

УДК: 343.101
ББК: 67.410.2

ПРИВЛЕЧЕНИЕ В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО КАК АВТОНОМНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ ПРОЦЕДУРА: ЯВНЫЙ ПЕРЕЖИТОК ПРОШЛОГО ИЛИ ЗАКОНОМЕРНО СУЩЕСТВУЮЩИЙ ПРАВОВОЙ ИНСТРУМЕНТ?

© 2022 г. С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 02.12.2021 г.

Аннотация. В статье проанализированы перспективы развития процессуального механизма выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии (обвинения), подлежащей разрешению по существу в ходе судебного разбирательства.

Посредством раскрытия подлинных исторических причин, способствующих укоренению в российском уголовном процессе действующего в настоящее время порядка привлечения в качестве обвиняемого, доказана ненадёжность аргументов, высказываемых учеными в поддержку упразднения или существенного реформирования данной процедуры по примеру Германии и ряда других европейских государств. Сформулирован вывод о возможности окончательного разрешения поднимаемых в статье вопросов не иначе, как в контексте понимания общей концепции дальнейшего совершенствования всей системы российского досудебного производства.

Ключевые слова: дознание, досудебное производство, обвинение, обвиняемый, предварительное следствие, предъявление обвинения, привлечение в качестве обвиняемого, уголовное преследование, уголовно-правовая претензия, функция обвинения.

Цитирование: Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3. С. 61–69.

DOI: 10.31857/S102694520019209-0

PROSECUTION OF THE ACCUSED AS AN AUTONOMOUS INVESTIGATION PROCEDURE: OBVIOUS RELIC OF THE PAST OR A LEGAL EXISTING TOOL?

© 2022 S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Received 02.12.2021

Abstract. The article analyzes the prospects for the development of a procedural mechanism for bringing forward a criminal claim against a person, subject to resolution on the merits in the course of the trial.

By revealing the true historical reasons contributing to the rooting of the current procedure for bringing in as an accused in the Russian criminal process, the unreliability of the arguments expressed by scientists in support of the abolition or significant reform of this procedure, following the example of Germany and a number of other European states, has been proved. The conclusion is formulated about the possibility of a final resolution of the issues raised in the article, not otherwise than in the context of understanding the general concept of further improvement of the entire system of Russian pre-trial proceedings.

Key words: inquiry, pre-trial proceedings; accusation, accused, preliminary investigation, indictment, involvement as an accused, criminal prosecution, criminal law claim, charge function.

For citation: *Rossinskiy, S.B. (2022). Prosecution of the accused as an autonomous investigation procedure: obvious relic of the past or a legal existing tool? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 61–69.*

Под привлечением в качестве обвиняемого в уголовно-процессуальной доктрине и правоприменительной практике понимается досудебная (следственная) процедура, состоящая в выдвижении от имени государства в отношении строго определённого лица уголовно-правовой претензии (обвинения) и последующем производстве комплекса процессуальных действий, обусловленных этой претензией. Именно такой смысл и находит отражение в положениях гл. 23 УПК РФ.

Ввиду общей направленности досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности на обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения как предмета последующего судебного разбирательства¹, процедура привлечения в качестве обвиняемого приобретает правовое значение и занимает важнейшее место среди множества других, присущих следственной деятельности процессуальных механизмов. Так, посредством осуществления этой процедуры подводится определённый итог всей предшествующей работе органов предварительного расследования и формулируется указанная уголовно-правовая претензия — своеобразный «уголовный иск», подлежащий дальнейшему разрешению по существу посредством судопроизводства и обусловленный предварительными выводами органа предварительного следствия об установлении (доказывании) события преступления, виновности подвергаемого уголовному преследованию лица, характера и размера причиненного вреда и других обстоятельств, вытекающих из смысла ст. 73 УПК РФ и predetermined известной древнеримской семичленной формулой познания юридически значимых фактов: «Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?» (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?). Одновременно привлечение в качестве обвиняемого порождает комплекс важнейших двусторонних правоотношений между основными уголовно-процессуальными «оппонентами» — осуществляющим публичное уголовное преследование государством и подвергаемой уголовному преследованию личностью, для чего эта личность и наделяется статусом обвиняемого, подразумевающим существенные правовые возможности (права обвиняемого) и необходимые юридические

гарантии для их продуктивного использования. И таким образом, акт привлечения в качестве обвиняемого есть наивысшая, кульминационная точка предварительного расследования, выражающая сам смысл, само предназначение данного этапа уголовно-процессуальной деятельности.

В силу специфического, самобытного характера формировавшейся на протяжении последних 100 лет особой, самобытной национальной модели досудебного производства, предполагающей переплетение функций «полиции» и «юстиции», в частности наделение «силовых» министерств и ведомств юрисдикционными полномочиями судебно-следственного характера, процедуре привлечения в качестве обвиняемого присущи достаточно серьёзные доктринальные и нормативно-правовые противоречия, вызывающие на протяжении длительного времени большие затруднения в повседневной следственной практике. Например, в прежних публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно отмечалось о существовании в системе уголовно-процессуального регулирования не выдерживающей критики правовой коллизии между основаниями для привлечения в качестве обвиняемого и правовыми условиями избрания мер пресечения, обусловленной несовершенновыми попытками раннесоветского законодателя заимствования хорошо зарекомендовавших себя дореволюционных механизмов и процедур без их надлежащей адаптации к новым на тот момент реалиям уголовного судопроизводства².

Однако на фоне всех подобных противоречий особо сложным и неоднозначным является концептуальный вопрос: а нужна ли вообще уголовному процессу Российской Федерации автономная следственная процедура — привлечение в качестве обвиняемого? Будучи одним из самых актуальных и обсуждаемых в публикациях, посвященных общим проблемам досудебного производства, этот вопрос уже не первый год становится предметом дискуссий. Высказываются различные точки зрения: от полной ликвидации данного института до его сохранения в неизменном виде.

Сторонники упразднения существующей ныне процедуры привлечения в качестве обвиняемого обосновывают свои позиции различными аргументами,

¹ См.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 18.

² См.: *Россинский С.Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 33–34.

зависящими от соответствующих авторских позиций об общих перспективах развития российской системы досудебного производства по уголовному делу. Так, Н.Н. Ковтун, мотивирует данную точку зрения «положительным» опытом ряда других, в т.ч. возникших на постсоветском пространстве, государств, использующих «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства либо стремящихся к построению подобной системы предварительного расследования³. В этой связи автор предлагает, исключив привлечение в качестве обвиняемого из орбиты предварительного следствия, возвести эту процедуру в ранг самостоятельной и полноценной стадии российского уголовного процесса⁴. К.А. Наумов считает, что предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом РФ процедура привлечения в качестве обвиняемого подлежит безусловно упразднению как не отвечающая поддерживаемой автором концепции построения досудебного производства, предполагающей нахождение всех процессуальных полномочий, связанных с реализацией функции обвинения, в исключительном ведении прокурора. При этом он подчеркивает, что именно прокурору надлежит, изучив собранные в ходе предварительного расследования доказательства, лично формулировать обвинение и составлять соответствующий обвинительный акт⁵. Схожие взгляды можно встретить и в других публикациях.

Обстоятельно целесообразность отказа от привлечения в качестве обвиняемого как автономной уголовно-процессуальной процедуры следственного характера аргументируется в работах Б.Я. Гаврилова. В частности, автор пишет, что ранее основное предназначение этого института сводилось к обеспечению возможности допуска защитника к участию в уголовном деле, тогда как в настоящее время такая возможность уже не ставится в зависимость от привлечения лица в качестве обвиняемого

и может быть предоставлена даже в момент проверки сообщения о преступлении. Кроме того, ученый обосновывает свою позицию: а) вышеуказанным «положительным» опытом других государств и дореволюционными правовыми традициями; б) практически полным нивелированием в Уголовно-процессуальном кодексе РФ процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого, в) все большим распространением практики расследования уголовных дел в форме дознания, т.е. без использования процедуры предъявления обвинения; г) мнением Европейского Суда по правам человека⁶, определяющего обвинение как обоснованное подозрение⁷.

Другие авторы, напротив, выступают за сохранение существующего института привлечения в качестве обвиняемого, т.е. за разумность дальнейшего использования сугубо следственного порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, который, начав формироваться еще во время действия дореволюционного уголовно-процессуального законодательства, сопутствовал всему последующему развитию национальной системы досудебного производства⁸, постепенно обретая современную форму, окончательно закрепленную в гл. 11 УПК РСФСР 1960 г. Например, В.В. Кальницкий, высказывая ряд аргументов в поддержку существующих механизмов привлечения в качестве обвиняемого считает его оптимальным⁹. По мнению С.В. Романова, этот институт представляет собой существенную гарантию прав и законных интересов лиц, подвергаемых уголовному преследованию, а также способствует реализации государственно-властных полномочий и правомочий потерпевшего, поскольку позволяет обеспечить надлежащий ход предварительного расследования,

³ Под «немецким» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Германии, Австрии, Италии, Польше, Швейцарии и др.), предполагающую осуществление предварительного расследования правоохранительными органами полицейского типа (полицией) либо под прямым руководством прокурора, являющегося как бы «хозяином процесса» (*herr des ermittelungsverfahrens*), либо в условиях сильной зависимости от его надзорных полномочий (см. подр.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. С. 23, 24). К построению подобной системы активно стремятся и многие государства, возникшие на постсоветском пространстве, например, Грузия, Украина, Казахстан, страны Балтии и др.

⁴ См.: *Ковтун Н.Н.* Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал рос. права. 2019. № 9. С. 135.

⁵ См.: *Наумов К.А.* Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 137.

⁶ См., напр.: решение Европейского Суда по правам человека от 15 августа 1982 г. по делу «Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии» (жалоба № 8130/78).

⁷ См., напр.: *Гаврилов Б.Я.* Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // Росс. следователь. 2013. № 21. С. 8; *Его же.* XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 10.

⁸ В этой связи нельзя согласиться с одним из вышеуказанных аргументов Б.Я. Гаврилова — об отсутствии механизмов привлечения в качестве обвиняемого в дореволюционном уголовном процессе. Зачатки этой процедуры можно разглядеть даже в нормах отд. 1 гл. 4 Т. 15 Свода законов Российской Империи 1832 г. Тогда как положения, предусмотренные ст. 377—414 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г., устанавливали уже достаточно стройный алгоритм работы судебного следователя, состоящий в вызове обвиняемого и его допросе по обстоятельствам инкриминированного ему преступного деяния.

⁹ См.: *Кальницкий В.В.* Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избр. тр. Омск, 2016. С. 129.

в т.ч. путем ограничения конституционных прав обвиняемого¹⁰. Схожую позицию занимает и С.Г. Коновалов, полагающий, что сохранившийся порядок выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии продолжает оставаться существенной гарантией обеспечения его процессуальных прав, тогда как ее упразднение ни в коей мере не будет способствовать их укреплению¹¹. Аналогичные суждения можно встретить в других публикациях¹².

Конечно, автору настоящей статьи, ратующему за разумный консерватизм уголовно-процессуального права, за максимально возможное сохранение исторически сложившихся и во многом соответствующих менталитету российского общества традиций уголовного судопроизводства, намного ближе именно последняя точка зрения, предполагающая сохранение существующего ныне порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Хотя справедливости ради все же нельзя не обратить внимание на неразумность и, мягко говоря, атавистичность некоторых элементов, присущих установленной гл. 23 УПК РФ процессуальной форме привлечения в качестве обвиняемого, а также сложившейся в результате ее использования правоприменительной практике. В частности, как уже отмечалось выше, противоречащей самому смыслу этой юрисдикционной процедуры, презумпции невиновности и ряду других принципов уголовного судопроизводства представляется весьма распространенная как бы двухэтапная и растянутая на длительный срок практическая технология, состоящая в предъявлении обвинения в двух редакциях: 1) первоначального («пилотного») обвинения, как правило, основанного на результатах ряда безотлагательных процессуальных действий; 2) окончательного обвинения, опирающегося на итоги полноценно, всесторонне и объективно проведенного расследования, подтвержденного достаточной совокупностью доказательств и обусловленного подлинной убежденностью следователя в изобличении лица в совершении инкриминируемого ему преступления¹³. Кроме того, гл. 23 УПК РФ не смогла избежать и другого системного недостатка, присущего

уголовно-процессуальному праву — она явно перегружена не имеющими никакого «высокого» предназначения положениями сугубо технического характера, которые в свое время получили законодательное закрепление в силу ряда вполне понятных, но давно не существующих причин и фактически превращают Уголовно-процессуальный кодекс РФ в некую пошаговую инструкцию, в «памятку» для безграмотных правоприменителей¹⁴. Например, ч. 1 ст. 173 УПК РФ устанавливает необходимые реквизиты постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а ч. 2 ст. 174 УПК РФ — протокола допроса обвиняемого и т.д.

Однако отмеченные изъяны правового регулирования существующего порядка привлечения в качестве обвиняемого и соответствующей правоприменительной практики — это незначительные шероховатости, никоим образом не способные поколебать общего мнения о надлежащей проработанности данного института уголовно-процессуального права и его глубоком укоренении в национальной системе досудебного производства. В связи с чем хотелось бы предостеречь законодателя от вполне возможных в современных реалиях российской правотворческой политики непродуманных шагов, направленных на упразднение процедуры привлечения в качестве обвиняемого или ее кардинальное перестроение, например, на передачу бремени формулирования обвинительного тезиса в ведение прокурора, на имплантацию уведомления лица о вынесенном в его адрес обвинении в структуру окончания предварительного следствия, то есть на создание механизма, аналогичного механизму окончания дознания с обвинительным актом, и т.д.

Вполне возможно, что ввиду дальнейшего развития правовой доктрины, правоохранительных органов, а также правоприменительной практики целесообразность указанных реформ станет очевидной. Но пока эти реформы являются преждевременными! По крайней мере ни один из высказанных в их поддержку доводов не обладает достаточной степенью убедительности и легко опровергается целым рядом контраргументов.

В частности, трудно согласиться с мнением о ликвидации процедуры привлечения в качестве обвиняемого лишь ввиду «положительного» опыта Германии и других европейских государств, избравших «немецкий» вариант романо-германской модели досудебного производства, т.е. отказавшихся от реализации юрисдикционных полномочий следственного (судебно-следственного) характера, свойственных другому — «французскому» варианту

¹⁰ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд. М., 2017. С. 734.

¹¹ См.: Коновалов С.Г. Процедура привлечения в качестве обвиняемого как конституционная гарантия прав человека // Научные труды РАЮН. М., 2019. С. 755.

¹² См. об этом, напр.: Галузо В.Н., Якунов Р.Х. Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 366–373.

¹³ Эта проблема как заслуживающая отдельного внимания в недавнем прошлом также стала предметом самостоятельного исследования, проведенного автором настоящей статьи (см.: Россинский С.Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юрид. вестник. 2021. № 4 (95). С. 121–128).

¹⁴ Россинский С.Б. УПК РФ: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42.

романо-германской модели¹⁵. Тем более, вряд ли стоит в решении этих сложнейших проблем полагаться на разумность и безошибочность правотворческой политики некоторых бывших республик СССР, старающихся из всех сил максимально подстроить порядок осуществления отдельных уголовно-процессуальных механизмов под «прогрессивные» западные стандарты. Скорее заслуживает поддержки точка зрения С.Г. Коновалова, справедливо полагающего, что сам по себе зарубежный опыт не может свидетельствовать о бесполезности института привлечения в качестве обвиняемого¹⁶.

Думается, что любые обсуждения подобных реформ могут начинаться лишь после выявления и надлежащей оценки глубинных причин, предопределивших появление в российском уголовном судопроизводстве тех или иных правовых механизмов, в частности существующего порядка выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии. Тогда как многие авторы, ратующие за отказ от процедуры привлечения в качестве обвиняемого, основывают свои позиции лишь некой архаичностью, отсталостью, «несовременностью» действующего законодательства.

Между тем такие глубинные причины безусловно существуют. А их возникновение напрямую связано с особенностями формирования и многолетнего развития советской уголовной юстиции и советского уголовно-процессуального права. Во многом унаследовавшая советские подходы современная российская-система досудебного производства (кстати, как и аналогичные системы, используемые в других постсоветских государствах) представляет собой достаточно необычный феномен — предполагает вызванное целым рядом причин переплетение элементов, характерных для разных моделей и вариантов уголовного-процессуальной деятельности¹⁷. Россий-

скому предварительному расследованию остаются присущи многие элементы «французского» варианта романо-германской модели¹⁸. Причем наглядно они проявляются именно в части предварительного следствия, которое, несмотря на особый путь развития, невзирая на множество «изобретений», постепенно вводимых в сферу уголовно-процессуального регулирования начиная с 1917 г., еще сохраняет свою юрисдикционную (судебно-следственную) природу. В отличие от другой предусмотренной Уголовно-процессуальным кодексом РФ формы расследования — дознания, предварительному следствию свойственно глубокое погружение в обстоятельства дела, обеспечивающее возможность их полного, всестороннего и объективного исследования в лучших традициях отечественной уголовной юстиции.

Именно поэтому законодатель и позволяет обвиняемому еще до направления уголовного дела в суд возражать против предъявленного обвинения, давать показания по предъявленному обвинению, заявлять ходатайства о проведении иных процессуальных действий, направленных на опровержение предъявленного обвинения и т.д. Обеспечению этих прав и служит процедура привлечения в качестве обвиняемого. Она позволяет следователю заблаговременно ознакомить лицо с содержанием выдвинутой в отношении него уголовно-правовой претензии и окончательно решить вопрос о дальнейшей юридической перспективе уголовного дела лишь с учетом позиции обвиняемого (его защитника) и сообщенных им сведений по существу указанной претензии, а в случае возникновения потребности в изменении, дополнении обвинения либо частичном прекращении уголовного преследования (как пишет В.Ю. Стельмах, при осознании следователем «слабых мест» обвинения¹⁹) — воспользоваться полномочиями, предусмотренными ст. 175 УПК РФ. Кстати, именно поэтому установленный гл. 23 УПК РФ механизм привлечения в качестве обвиняемого присущ только предварительному следствию, предполагающему усложненную, как бы двухэтапную технологию «подведения итогов» досудебного производства, состоящую: 1) в выдвижении обвинительного тезиса посредством специального постановления о привлечении в качестве обвиняемого; 2) в последующем надлежащем обосновании

¹⁵ Под «французским» вариантом романо-германской модели досудебного производства автор настоящей Статьи условно понимает концепцию построения досудебного производства в ряде европейских государств (Франции, Испании, Бельгии, Греции и др.), основанную на «классических» идеях континентального уголовного процесса, возникших на рубеже XVIII–XIX вв. и впервые получивших нормативное закрепление в т.н. «Наполеоновском» кодексе — Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. (Code d'instruction criminelle de l'Empire Français). «Французский» вариант предполагает дифференциацию непроцессуального полицейского дознания и предварительного следствия, находящегося в ведении представителей судебной власти (судебных следователей, следственных судей и т.п.), обладающих юрисдикционными полномочиями (см. подр.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. С. 23).

¹⁶ См.: *Коновалов С.Г.* Указ. соч. С. 755.

¹⁷ См. подр.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. С. 43.

¹⁸ Впервые возникнув во время известной судебной реформы Александра II, российская система досудебного производства в современном понимании этого феномена изначально имела достаточно высокую степень преемственности именно по отношению к «французскому» варианту романо-германской модели и заключались в деятельности судебных следователей при содействии полиции, при наблюдении прокуроров и их товарищей (ст. 249 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г.).

¹⁹ См.: *Стельмах В.Ю.* Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // *Росс. юстиция.* 2019. № 4. С. 59.

и подтверждении (своего рода «засиливании») данного тезиса в обвинительном заключении.

Тогда как дознание, напротив, несмотря на постепенную процессуализацию, на все большее и большее сближение с предварительным следствием, все-таки в чем-то еще сохраняет свою «полицейскую» природу, поэтому предполагает сугубо «полицейский» подход к досудебному производству: быстро и оперативно выявить преступление, обнаружить и зафиксировать его следы, задержать подозреваемого, получить изобличающие его сведения и направить дело в суд. Подобный подход не нуждается в обособлении процедуры привлечения в качестве обвиняемого, поскольку не подразумевает подробного исследования всех обстоятельств уголовного дела, в частности получения показаний от лица по поводу выдвинутого в отношении него «полицейского обвинения» (подозрения), пересмотра обвинительного тезиса с учетом данных показаний и т.д. В связи с чем для дознания предусмотрен более простой, одноэтапный механизм выдвижения уголовно-правовой претензии — вынесение в отношении подозреваемого обвинительного акта либо обвинительного постановления (ст. 225, 226⁷ УПК РФ), как бы сочетающих, синтезирующих элементы и постановления о привлечении в качестве обвиняемого, и обвинительного заключения (исключение — ч. 3 ст. 224 УПК РФ).

По этим же причинам нельзя согласиться и с другим доводом сторонников ликвидации следственной процедуры привлечения в качестве обвиняемого — ее пониманием исключительно как акта публичного уголовного преследования, как одной из «реперных точек» осуществления уголовно-процессуальной функции обвинения. На первый взгляд такой подход, действительно, является достаточно логичным, объективно предопределяя передачу подобных полномочий в ведение прокурора, которому в последствии и надлежит инициировать судебное разбирательство по данному уголовному делу, выступая по нему государственным обвинителем — кто выдвигает уголовно-правовую претензию, тот и доказывает ее состоятельность в суде. Однако указанная позиция в очередной раз плохо согласовывается с еще присущей российскому досудебному производству в целом и предварительному следствию в частности юрисдикционной (судебно-следственной) природой, подразумевающей максимально полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств уголовного дела и общую устремленность этого этапа не столько к самому обвинению, сколько лишь к обеспечению возможности (!) формирования обвинительного тезиса²⁰.

²⁰ См.: *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: свежий взгляд на старые проблемы // *Юрид. образование и наука.* 2020. № 8. С. 33.

Конечно, совершенно недальновидное и вызванное сугубо политико-конъюнктурными мотивами введение в российский уголовный процесс чуждого национальным традициям принципа состязательности в его англосаксонском варианте (ст. 15 УПК РФ) сильно поколебало функциональную направленность органа предварительного следствия, во-многом превратив его из «расследователя» в «преследователя», в «досудебного обвинителя», стремящегося лишь к изобличению лица в совершении преступления. Причем, этот законодательный шаг оказался настолько деструктивным, привел к негативной правоприменительной практике (к резкому усилению обвинительного уклона), что в свое время даже потребовал вмешательства Конституционного Суда РФ, попытавшегося несколько сгладить допущенный перегиб²¹.

Вместе с тем принцип состязательности так и не позволил полностью сломать многолетние обычаи российского досудебного производства, лишив органы предварительного следствия исконно свойственной им процессуальной функции предварительного расследования. В одной из своих последних работ С.А. Шейфер справедливо обратил внимание, что следователь, несмотря ни на что, остается представителем следственной (судебно-следственной) власти, не совпадающей с властью обвинительной²². Тем более что в 2007 г. государство решилось на кардинальную реформу досудебного производства, позволившую некоторым образом разграничить полномочия органов предварительного следствия и прокуратуры²³.

В связи с чем привлечение в качестве обвиняемого как один из типичных элементов реализации следственной власти тоже не имеет сугубо обвинительной направленности. Эта процедура обладает юрисдикционным характером, предполагающим комплексное решение целого ряда как уголовно-правовых, так и уголовно-процессуальных задач²⁴. Она сводится не только к вынесению постановления, а включает и ряд последующих процессуальных действий (ознакомление обвиняемого и его защитника с существом обвинения,

²¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П // *СЗ РФ.* 2004. № 27, ст. 2804.

²² См.: *Шейфер С. А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 131.

²³ См.: Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» // *СЗ РФ.* 2007. № 24, ст. 2830.

²⁴ Н. П. Ефремова и В. В. Кальницкий в этой связи пишут об уголовно-правовом и уголовно-процессуальных аспектах сущности привлечения в качестве обвиняемого (см.: *Ефремова Н. П., Кальницкий В. В.* Привлечение в качестве обвиняемого: учеб.-практ. пособие. Омск, 2007. С. 6).

разъяснение обвиняемому его прав, допрос обвиняемого и др.), которые уж точно не могут быть расценены как приемы, проводимые в целях осуществления уголовного преследования.

Но даже само по себе постановление о привлечении в качестве обвиняемого отражает не только существо сформулированной по результатам предварительного следствия и выдвинутой в отношении конкретного лица уголовно-правовой претензии («уголовного иска»); оно содержит и другие реквизиты, имеющие не обвинительную, а исключительно правоприменительную направленность. Так, в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого дается предварительная юридическая оценка (уголовно-правовая квалификация) деяния, влияющая на дальнейшее развитие уголовно-процессуальных правоотношений (на подсудность уголовного дела, на возможность применения особого порядка судебного разбирательства либо назначения судебного штрафа, на возможность рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей и т.д.). Кроме того, посредством издания данного государственного-властного распорядительного акта лицо переводится в новое юридическое состояние — в процессуальный статус обвиняемого, вследствие чего у него появляются дополнительные правовые возможности (п. 5 ч. 2 ст. 171 УПК РФ). Кстати, в этой связи представляется несостоятельным и еще один вышеуказанный аргумент, приводимый Б.Я. Гавриловым в обоснование позиции об упразднении института привлечения в качестве обвиняемого, — якобы практически полное нивелирование различий между процессуальными статусами подозреваемого и обвиняемого. Подобные различия, конечно, существуют — обвиняемый по сравнению с подозреваемым наделен целым рядом дополнительных процессуальных прав, связанных с окончанием предварительного следствия и последующим участием в судебном заседании.

Таким образом, привлечение в качестве обвиняемого нельзя расценивать только в контексте уголовного преследования, т.е. как одну из «реперных точек» осуществления уголовно-процессуальной функции обвинения. Подобной точкой скорее является утверждаемое прокурором обвинительное заключение — завершающий акт предварительного следствия и одновременно повод для производства в суде первой инстанции, т.е. документ, посредством которого представитель обвинительной власти (прокурор) впервые сообщает суду о своем намерении добиваться признания лица виновным в совершении инкриминируемого ему деяния²⁵. Тогда как привлечение в качестве об-

виняемого — это сложный, имеющий комплексное межотраслевое правовое предназначение юрисдикционный механизм. А постановление о привлечении в качестве обвиняемого в определенной степени уподобляется обвинительному приговору суда как основному правоприменительному акту юрисдикционного характера (акту правосудия) по уголовному делу, тоже предполагающему правовую оценку (уголовно-правовую квалификацию) инкриминированного преступления, перевод подсудимого в несколько иное юридическое состояние, а также возникновение, изменение либо прекращение других правоотношений.

Другие аргументы, высказываемые в обоснование ликвидации института привлечения в качестве обвиняемого, представляются еще менее убедительными. Таковым, например, является вышеуказанный довод Б.Я. Гаврилова об утрате процессуального значения процедуры привлечения в качестве обвиняемого в связи с установленным Уголовно-процессуальным кодексом РФ предписанием о допуске защитника с самого начала осуществления в отношении лица уголовного преследования, в т.ч. с момента проверки сообщения о преступлении. Несостоятельность данного тезиса связана не совсем с точно проанализированной хронологией введения в сферу уголовно-процессуального регулирования: а) института привлечения в качестве обвиняемого; б) права на участие защитника с момента предъявления обвинения. В позднесоветском уголовном процессе действительно существовало правило, в соответствии с которым на основании специального постановления прокурора защитник мог быть допущен к участию в уголовном деле с момента предъявления обвинения (ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР). Поэтому привлечение в качестве обвиняемого долгое время являлось единственной правовой возможностью надлежащего обеспечения права на защиту до момента окончания предварительного следствия. Однако эта норма была введена в УПК РСФСР лишь в 1972 г.²⁶; ранее таким правом обладали лишь несовершеннолетние

вариант романо-германской модели досудебного производства и прогнозируя перспективы реставрации дореволюционного института судебных следователей в России, моделирует процедуру, состоящую в более четком разграничении следственных и прокурорских полномочий в части привлечения в качестве обвиняемого. Следовательно, по мнению автора, надлежит, не вынося специальное постановление, формировать обвинительный тезис путем системы процедурных действий, а прокурору — окончательно закреплять этот тезис в собственном уголовно-процессуальном акте — обвинительном заключении (см. подр.: Деришнев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 267).

²⁶ См.: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26.06.1972 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1972. № 26, ст. 663.

²⁵ Кстати, в этой связи заслуживает внимания точка зрения Ю.В. Деришнев, который, досконально изучив «французский»

и лица, которые в силу физических или психических недостатков не могли осуществлять защиту самостоятельно. Тогда как институт привлечения в качестве обвиняемого возник намного раньше, а в 1960 г. уже обрел применяемую и до ныне процессуальную форму (гл. 11 УПК РСФСР).

Еще менее веским представляется аргумент, апеллирующий к позициям Европейского Суда по правам человека, в решениях которого обвинение иногда рассматривается как обоснованное подозрение. Не надежность этого довода обусловлена неизбежными «дефектами» и «погрешностями» перевода оригинальных текстов судебных актов на русский язык и самое главное — разницей в толкованиях категорий «подозрение» и «обвинение» в российской, французской, немецкой, английской и других правовых доктринах. Тем более что обвинение, по сути, и есть обоснованное подозрение, обусловленное не версией, а уверенностью, убежденностью следователя в совершении данным лицом определённого состава преступления.

* * *

В завершение обращаем внимание на то, что в дальнейшем (возможно, даже в весьма обозримом будущем) ввиду ряда тенденций, направленных на усиление процессуальной экономии, на удешевление уголовного процесса, на оптимизацию уголовной юстиции и т.п., Российской Федерации все же придётся окончательно отказаться от сохранившихся (к слову, достаточно сложных, «тяжелых» и затратных) элементов «французского» (следственного) варианта романо-германской модели досудебного производства и по примеру Германии, Австрии и других европейских государств перестроить систему предварительного расследования по «немецкому» (прокурорско-полицейскому) образцу, лишаящему процедуру привлечения в качестве обвиняемого какого-либо смысла. При таком развитии событий останется лишь поддержать подобные правотворческие шаги.

Обозначенные проблемы могут быть разрешены лишь посредством понимания учеными и законодателем перспектив дальнейшего развития всей системы уголовной юстиции. Любые реформы уголовного судопроизводства, в частности механизмов выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, должны иметь не сугубо законотворческий, а комплексный характер. И начинать их нужно не с внесения новой (какой по счету?) порции изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, а с пересмотра государственной идеологии в отношении органов предварительного следствия²⁷.

²⁷ Подробнее об этом см.: *Россинский С.Б.* Каким должен быть российский следователь? (К 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 10. С. 95, 96, 100.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаврилов Б.Я.* XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 6. С. 10.
2. *Гаврилов Б.Я.* Современные проблемы досудебного производства и меры по их разрешению // *Росс. следователь.* 2013. № 21. С. 8.
3. *Галузо В.Н., Якунов Р.Х.* Уголовный процесс: учеб. 7-е изд., перераб. М., 2013. С. 366–373.
4. *Деришев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2005. С. 267.
5. *Ефремова Н.П., Кальницкий В.В.* Привлечение в качестве обвиняемого: учеб.-практ. пособие. Омск, 2007. С. 6.
6. *Кальницкий В.В.* Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства: избр. тр. Омск, 2016. С. 129.
7. *Ковтун Н.Н.* Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // *Журнал рос. права.* 2019. № 9. С. 135.
8. *Коновалов С.Г.* Процедура привлечения в качестве обвиняемого как конституционная гарантия прав человека // *Научные труды РАЮН.* М., 2019. С. 755.
9. *Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки.* 2-е изд. М., 2017. С. 734.
10. *Наумов К.А.* Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 137.
11. *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: свежий взгляд на старые проблемы // *Юрид. образование и наука.* 2020. № 8. С. 33.
12. *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 18, 23, 24, 43.
13. *Россинский С.Б.* Каким должен быть российский следователь? (К 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 10. С. 95, 96, 100.
14. *Россинский С.Б.* О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // *Сибирский юрид. вестник.* 2021. № 4 (95). С. 121–128.
15. *Россинский С.Б.* Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к успешности и необоснованности обвинения // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2018. № 5. С. 33–34.
16. *Россинский С.Б.* УПК РФ: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2021. № 6. С. 42.
17. *Стельмах В.Ю.* Некоторые проблемы нормативной регламентации дознания // *Росс. юстиция.* 2019. № 4. С. 59.
18. *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 131.

REFERENCES

1. *Gavrilov B. Ya.* Modern problems of pre-trial proceedings and measures to resolve them // *Russian investigator*. 2013. No. 21. P. 10 (in Russ.).
2. *Gavrilov B. Ya.* XX years of the Russian criminal procedural law: does it correspond to the scientific views and requirements of the law enforcement officer // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. No. 6. P. 8 (in Russ.).
3. *Galuzo V.N., Yakupov R. Kh.* Criminal procedure: textbook. 7th ed., rev. M., 2013. P. 366–373 (in Russ.).
4. *Derishev Yu. V.* Criminal pre-trial proceedings: the concept of procedural and functional-legal structure: dissertation of a doctor of jurisprudence. Omsk, 2005. P. 267 (in Russ.).
5. *Efremova N. P., Kalnitskiy V. V.* Involvement as an accused: a training manual. Omsk, 2007. P. 6 (in Russ.).
6. *Kalnitskiy V. V.* Questions of theory and practice of criminal proceedings: selected works. Omsk, 2016. P. 129 (in Russ.).
7. *Kovtun N. N.* Formation of the public prosecution as an independent stage of criminal proceedings in Russia // *Journal of Russian law*. 2019. No. 9. P. 123–137 (in Russ.).
8. *Kononov S. G.* The procedure for bringing as a defendant as a constitutional guarantee of human rights // *Scientific works of the Russian Academy of Legal Sciences*. M., 2019. P. 752–755 (in Russ.).
9. *Course of criminal procedure* / ed. by L. V. Golovko. 2nd ed., rev. M., 2017. P. 734 (in Russ.).
10. *Naumov K. A.* The essence and structure of pre-trial proceedings in the criminal process of Russia: dissertation of the candidate of legal sciences. Omsk, 2021. P. 137 (in Russ.).
11. *Rossinskiy S. B.* Pre-trial proceedings in a criminal case: a fresh look at old problems // *Legal education and science*. 2020. No. 8. P. 33 (in Russ.).
12. *Rossinskiy S. B.* Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. M., 2021. P. 18, 23, 24, 43 (in Russ.).
13. *Rossinskiy S. B.* What should a Russian investigator be like? (To the 25th anniversary of the Concept of judicial reform of the RSFSR) // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2016. No. 10. P. 95, 96, 100 (in Russ.).
14. *Rossinskiy S. B.* On the inadmissibility of “pilot” charges in pre-trial proceedings in a criminal case // *Siberian legal herald*. 2021. No. 4 (95). P. 121–128 (in Russ.).
15. *Rossinskiy S. B.* Legal conditions for the application of measures of criminal procedural restraint lead to haste and groundlessness of the accusation // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2018. No. 5. P. 30–36 (in Russ.).
16. *Rossinskiy S. B.* The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the “high” purpose of the criminal procedure form or a “memo” for illiterate law enforcers // *Laws of Russia: experience, analysis, practice*. 2021. No. 6. P. 42 (in Russ.).
17. *Stelmakh V. Yu.* Some problems of normative regulation of inquiry // *Russian Justice*. 2019. No. 4. P. 59 (in Russ.).
18. *Sheifer S. A.* Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of the investigative, judicial and prosecutorial authorities. M., 2013. P. 131 (in Russ.).

Сведения об авторе

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович — доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-3862-3188

Authors' information

ROSSINSKIY Sergey B. — Doctor of Law, associate Professor, chief researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology at Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia